

Andreas Steinhöfel

Die Mitte der Welt

Roman

Андреас Штайнхёфель

В центре Вселенной

Роман

Перевод с немецкого Татьяны Зборовской

Москва KompasGid
издательский дом

2018

УДК 821.112.2-31Штайнхёфель А.

ББК 84(4=432.4)6-44

Ш88

Макет и обложка — Александр Васин (Groza.design)

Штайнхёфель, Андреас.

Ш88 В центре Вселенной : роман / Андреас Штайнхёфель ; пер. с нем. Татьяны Зборовской ; [макет и обл. А. Васин (Groza.design)]. — М. : КомпасГид, 2018. — 432 с. — (YA).

ISBN 978-5-00083-488-6

Близнецы Фил и Диана и их мать Глэсс приехали из-за океана и поселились в доставшееся им по наследству поместье Визибл. Они — предмет обсуждения и осуждения всей округи. Причин — море: сейчас Глэсс всего тридцать четыре, а её детям — по семнадцать; Фил долгое время дружил со странным мальчишкой со взглядом серийного убийцы; Диана однажды ранила в руку местного хулигана по кличке Обломок, да ещё как — стрелой, выпущенной из лука!

Но постепенно Фил понимает: у каждого жителя этого маленького городка — свои секреты, свои проблемы, свои причины стать изгоем. День за днём покровы тайн снимаются, и юноша видит окружающую действительность всё более сложной, неоднозначной. Быть может, принятие этой неоднозначности и есть взросление? Или взросление — в том, чтобы разобраться, где же находится центр твоей Вселенной?

Роман Андреаса Штайнхёфеля «В центре Вселенной», опубликованный в Германии в 1998 году, стал на родине писателя классикой young adult — текстом, с которым знаком всякий думающий читатель 18–25 лет.

Серия «YA» (young adults) продолжает любимую читателями «КомпасГид» коллекцию «Поколение www.». В начале 2010-х она стала широко известна благодаря таким обсуждаемым романам, как «Скажи, Красная Шапочка» Беате Терезы Ханики и «Притворяясь мёртвым» Стефана Касты. «YA» объединяет книги, которые могли быть написаны только в наши дни, — острые, дерзкие, злободневные романы-вызовы для читателей от 16 и старше. Оформил серию известный дизайнер, сооснователь фестиваля Туроманія Александр Васин.

Андреас Штайнхёфель (родился в 1962 году) — обладатель множества престижных международных премий, включая премию имени Эриха Кестнера. Его произведения включены в Почетный список Международного совета по детской литературе (IBBY). А роман «В центре Вселенной» оценило юношеское жюри в Австрии, он также был удостоен премии «Букстехудский бык», которую в разные годы получали Джон Грин, Джон Бойн, Гудрун Паузеваг и другие авторы.

УДК 821.112.2-31Штайнхёфель А.

ББК 84(4=432.4)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Copyright text © 1998 by CARLSEN Verlag GmbH, Hamburg
Originally published in Germany under the title DIE MITTE DER WELT
All rights reserved

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-488-6

То ли колодец был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь у нее времени вволю и для того, чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что ее ждет впереди.

*Льюис Кэрролл.
«Алиса в Стране Чудес»
(пер. Б. Заходера)*

Зато нипочем нельзя было определить того, что творилось на том берегу, далеко-далеко: у того не было названия и не было отчетливого цвета и точных очертаний.

*Борис Пастернак.
«Детство Люверс»*

Пролог

Глэсс

Промозглым апрельским утром, сжав в левой руке ручку обтрепанного кожаного чемодана, а в правой — перила трапа, шатавшегося из стороны в сторону, Глэсс поднялась на борт трансатлантического гиганта, дремавшего в гавани Бостона перед отплытием к берегам Европы. По пирсу сновали люди, волны с шумом бились об причал, а в воздухе повис резкий, до тошноты неприятный запах жженой смолы и тухнувшей рыбы. Глэсс запрокинула голову и, сощурившись, посмотрела на пухнувшие от влаги тучи, сгущавшиеся над побережьем Массачусетса. Морозящий дождь заставлял ее трепыхавшееся на ветру пальто липнуть к невероятно тощим лодыжкам. Глэсс было семнадцать лет, и она была на девятом месяце.

С причала раздались прощальные возгласы, в воздухе затрепетали пятна белых платочков, в сердце лайнера пробудился и заурчал мотор. Среди аморфной массы толпы, машущей на прощание родным и близким, маленький мальчик поднял руку к небу. Над ним, высоко вверху, сновали чайки, мельтешащие, как листовки на параде ко Дню независимости. Этот невинный жест чуть было не заставил ее бросить все и остаться дома. В Америке. Но лайнер, внезапно вздрогнув и заспешив, с болезненным и протяжным гудком оторвался от причала и повернулся

к открытому морю, глубоко врезаясь в водную гладь. Глэсс повернулась спиной к Массачусетсу. Она никогда не оборачивалась назад.

В течение последующих дней другие пассажиры постоянно видели девочку, стоявшую на корме корабля, прижав неестественно огромный живот к поручню, и неотрывно смотревшую вдаль. Никто не решался подойти к ней и заговорить, а она с присущим ей упорством не подавала виду, что вокруг нее шепчутся и бросают на нее любопытствующие взгляды.

Через неделю после того, как Глэсс навсегда покинула Америку, она почувствовала на языке солоноватый привкус водорослей. В полдень восьмого дня она ступила на берег Старого Света. Еще несколько часов земля под ногами шаталась из стороны в сторону. С корабля она послала Стелле множество телеграмм о том, что едет в Визибл и останется у нее на неопределенное время. Старшая сестра, которую Глэсс не видела с раннего детства, но при этом исправно писавшая вплоть до прошлого месяца, ничего не ответила. Что ж, с этим ничего нельзя было поделать. Глэсс не для того проделала тысячи миль, чтобы на таком сроке возвращаться ни с чем.

Остаток дня и ночь она провела в поездах, несших ее на юг к конечной цели. В поездах, которые пересадка за пересадкой становились все короче, все неудобнее, все медленнее. Пейзажи, проплывавшие за окном, ни на грамм не напоминали ей Америку. В Америке небо было широким, простиравшимся до самого бесконечного горизонта, единственными препонами на пути которого могли стать лишь непреодолимые, заснеженные горные вершины, и по этим бескрайним просторам текли полноводные, безбрежные реки. Но здесь, казалось, земля сжималась, скукоживаясь все больше и больше

по мере отдаления от побережья. Всюду, куда хватало взгляда, весь ландшафт — засыпанные снегом, будто сахарным песком, леса, скованные морозом холмы и горы, прячущиеся между ними города и деревеньки — оставлял ощущение игрушечной панорамы, которую можно было охватить взором, не утруждаясь, и даже самые широкие реки, казалось, были сдавлены и укрощены своими берегами. Усевшись в последний поезд и устало сложив на животе руки, Глэсс, одна в перегретом купе, смотрела в окно во мглу черной, как чернила, ночи и думала о том, насколько правильно поступила, пока не забылась беспокойным сном. Во сне ей виделась невзрачная серая птица, которую преследовал мощный золотокрылый орел. Далеко под ними шумел океан, а преследователь и преследуемый все сновали, зигзагами рассекая черное грозовое небо, в котором, как рваные края, прорезались молнии. В конце концов, обессилев, маленькая серая птичка сложила крылья и камнем упала вниз, где над ней сомкнулись мутные серо-зеленые волны.

Глэсс вздрогнула и проснулась оттого, что поезд резко остановился. Живот содрогнулся, и ее в первый раз посетил страх, что скоро могут начаться схватки. Она беспокойно выглянула в окно и в падавшем от фонаря полукруге тусклого желтого света увидела крошечное здание вокзала и обшарпанную, почти нечитаемую вывеску. Конечная.

На перроне ее встретил пронизывающий холод. Немногочисленные пассажиры, сходявшие с поезда, бросились во тьму, как испуганные голуби. Никаких признаков того, что ее встречают. Пожилой начальник вокзала, смерив девушку недоверчивым взглядом и порывисто жестикулируя, на незнакомом, полном рычащих согласных языке дал понять, что такси там, куда она попала, не существует. Как писала сестра, до Визибла можно без труда

добраться пешком, он был всего в четверти часа ходьбы от города, на краю леса, по ту сторону мелкой речушки. На крики «Стелла!» на перроне никто не отзывался. Устав от любопытных взглядов старика, точно ощупывавших ее живот, и проклиная все на свете, а еще больше этот злощастный мороз, Глэсс потащилась в ту сторону, которую ей указали.

Не успела она спуститься с моста, соединявшего окраину города с прилегающим непролазным лесом, как живот вдруг рывками стал сжиматься, словно меха аккордеона. Волна за волной по телу прокатились первые схватки, за которыми наступала душная, бесцельная дурнота. Глэсс глубоко вдохнула и заставила себя спокойно двигаться вперед. Бежать куда-то, не зная куда, было бессмысленно. За мостом асфальтированную дорогу сменяла утоптанная тропинка. Почва под тонким слоем снега наверняка глубоко промерзла. Поэтому бежать, рискуя тем, что она может поскользнуться и упасть...

Из кустов раздался легкий хруст. От страха, на мгновение помутившего сознание, Глэсс словно увидела чью-то длинную тень, скользнувшую в нескольких шагах от нее. Бродячие собаки? Стая волков, озверевших от голода и холода? Она остановилась как вкопанная, подняла, словно защищая себя, чемодан, показавшийся в этот момент таким маленьким, и, замерев, прислушалась, боясь подумать, что сейчас услышит в темноте глухое рычание.

Никого.

Следующая схватка не наступала, и Глэсс двинулась дальше, разозлившись на саму себя. И зачем она только потащилась сюда, в эту страну, о которой не знала ничего, ну совсем ничегошеньки, даже того, водятся здесь волки или нет? Но злость схлынула сама собой, когда деревья расступились и перед ней, точно посреди расступившихся

вод, в темное ночное небо врезались очертания Визибла. От удивления Глэсс шумно втянула воздух. Она никогда не думала, что дом будет настолько большим, на самом деле настолько... Большим, как старый замок в натуральную величину. Зубчатые стены, эркеры, черепичные крыши с маленькими кирпичными дымовыми трубами, бесчисленные наглухо закрытые оконца; сбоку угадывалась крытая веранда. За высокими окнами первого этажа мерцал слабый оранжевый свет.

Не успела Глэсс сделать шаг, стремясь поскорее преодолеть последние метры, как неожиданно колени сами собой подогнулись и она упала, будто из-под ног у нее выдернули ковер. Она инстинктивно выставила руки вперед — чемодан полетел в сторону, — и, не успев коснуться земли, Глэсс ухватилась за ствол торчавшей прямо перед носом молодой березки. Горячая влага заструилась по ногам, мгновенно остывая и уже ледяной пропитывая короткие чулки. Ладони обожгло болью — Глэсс ободрала кожу. Пыхтя, она попыталась выпрямиться. Следующая схватка настигла ее, отдаваясь во всем теле как удар топора.

Обхватив руками дерево, Глэсс запрокинула голову и закричала. Затуманенным взглядом она увидела, как из дома кто-то выбежал: молодая женщина, чьи длинные рыжие волосы развевались по ветру, вспыхивая в темноте багряными отблесками. Стелла никогда не была рыжей. Следующий вопль, вырвавшийся из груди Глэсс, вызвала вовсе не крошечная девочка, почти беспрепятственно скользившая между ее ног во внешний мир, а слова о том, что Стелла умерла, умерла, умерла, и акушерки не будет, потому что телефон отключили за неуплату. Незнакомая женщина поспешила в дом и вернулась с кучей одеял, в которые завернула новорожденную и согревала ее, в то время как Глэсс, вновь ухватившись за дерево, кричала, задыхалась

и тужилась, пока первый луч солнца не забрезжил на горизонте и мальчик, сопротивляясь куда больше, чем его сестра, не покинул наконец ее тело.

Вот так на свет появились мы с Дианой: как мокрые, скользкие звереныши, мы выпали на оледенелый снег, с которого нас подняла Тереза, ставшая нам с тех пор верным другом и товарищем, советчиком и названной матерью. Тереза, которая потом подарит мне Палейко, строптивного игрушечного человечка из черного фарфора.

Он необыкновенный, Фил. Иногда он будет говорить с тобой и отвечать на твои вопросы.

А почему его так странно зовут?

Это тайна.

Но это произойдет много лет спустя, жарким летним днем, когда мы не станем и думать про снег и лед. Глэсс — хотя ей-то следовало бы знать, как все было на самом деле, — по сей день уверяет, что это была волшебная ночь, потому что наше с Дианой рождение отделило тьму от света и зиму от весны. Но факт остается фактом: по-настоящему теплый, сухой ветер подул лишь спустя три дня после нашего появления на свет. За неделю он растопил оставшийся снег и превратил сад Визибла в море белых подснежников и крокусов всевозможных расцветок, покачивающихся от его дуновений.

Часть первая

Подвал и чердак

Полотенце

Большинство мужчин, с которыми Глэсс крутила романы, я никогда не видел. Они приходили в Визибл поздним вечером или ночью, когда мы с Дианой давно уже спали, и тогда в наших снах звучали незнакомые голоса и где-то далеко хлопали двери. По утрам дом выдавал их ночное присутствие такими малозаметными следами истины, как не успевшая остыть кружка на кухонном столе, из которой кто-то спешно пил крепкий кофе, или упаковка из-под зубной щетки, небрежно смятая и брошенная на пол в ванной. Порой единственным свидетельством этого был висевший в воздухе запах бессонной ночи, неотвязный, как чужая тень.

Однажды таким следом стала телефонная связь. Мы с сестрой отправились на выходные к Терезе и по возвращении обнаружили в своих комнатах аппараты, наспех проложенный кабель от которых уходил в свежештукатуренную стену. Очередной воздыхатель Глэсс оказался электриком. «Теперь у каждого из нас есть свой собственный телефон, — удовлетворенно заявила она, подхватывая Диану левой рукой, а меня — правой. — Вам не кажется, что это здорово? Не кажется, что это так невероятно по-американски?»

Телефонный звонок застаёт меня на кровати, где я в полном изнеможении лежу, страдая от неотступной июльской жары, которая свалила меня с ног. От жары нет спасения даже по ночам — как усталое животное, она крадется по комнатам и коридорам в поисках нового логова. Я ждал этого звонка уже три недели — и мне прекрасно известно, кто на другом конце провода. Это Кэт. Вообще, конечно, Катя, но так ее не называют никто, кроме родителей и некоторых школьных учителей. Кэт вернулась домой после каникул.

— Фил, я приехала! — оглушает меня знакомый голос.

— Куда бы ты делась! И незачем так орать, — отвечаю я. — Ну и как?

— Кошмарно! Перестань ржать, я все слышу! Этот остров — такая дыра, ты и представить себе не можешь. И вообще, у меня серьезная психологическая травма на почве пребывания с родителями. Надо встретиться.

Я смотрю на часы.

— Через полчаса на Замковой горе?

— Я бы сдохла, если бы ты не нашел на меня времени.

— Поздравляю, коллега. Я за последние три недели чуть было не сдох со скуки.

— Слушай, а можно попозже — давай через час? У меня еще чемодан не разобран.

— Нет проблем.

— Я так рада тебя слышать... Фил?

— Ммм?

— Я по тебе скучала.

— А я нет.

— Я так и думала. Придурок!

Я кладу трубку на рычаг и еще минут пятнадцать, лежа на спине, рассматриваю ослепляюще белый от летнего

солнца потолок. Через распахнутые окна волна за волной накатывает ветер, несущий запах кипарисов. Я протягиваю руку за плавками, скатываюсь с пропотевших простыней, подцепляю лежащую рядом футболку и тащу себя по коридору по направлению к ванной.

Ненавижу ванную комнату на этом этаже. Дверь в нее уже настолько перекосилась, что приходится наваливаться на нее всем своим весом, чтобы открыть и попасть в комнатушку, облицованную шашечкой треснувшего черного кафеля, где с потолка тебе улыбаются трещины и сыплется на голову штукатурка. Чтобы по рассыпающимся от ветхости трубам из душа наконец пошла вода, приходится ждать минуты по три, а зимой старую и проржавевшую газовую колонку можно привести в какое-то подобие действия только посредством душевных пинков ногами. Я открываю кран, привычно прислушиваюсь к астматическому хрипу труб и уже не в первый раз жалею о том, что Глэсс ни разу не связалась с водопроводчиком.

— Из-за какой-то *трубы*?! — удивленно переспросила она, когда я, не выдержав, как-то раз намекнул ей на сугубо практические преимущества подобных отношений. — Дарлинг, ты что, считаешь, что я проститутка?

Тот, кто в свое время строил это здание, должно быть, был таким же сумасшедшим, как тетушка Стелла, которая четверть века назад во время своих странствий по Европе обнаружила эту уже тогда начинавшую разваливаться усадьбу, влюбилась в ее нетипичное для Старого Света очарование Южных Штатов и незамедлительно в нем осела. «Он стоил мне столько, сколько стоит горсть арахиса, детка, — с гордостью и предвкушением написала она тогда сестре в Америку. — У меня даже осталось немного денег на ремонт — а уж он-то нужен дому как воздух!»

Стелла не зависела от семьи материально. У нее за плечами была типичная жизнь университетской красавицы, которая задумывается о будущем только тогда, когда оно уже грозит стать прошлым: раннее замужество, ранний развод и не всегда приходящие в срок, но все же довольно внушительные алименты. Позволить себе роскошествовать она не могла, но на вполне беззаботную жизнь их хватало. В том числе на приобретение Визибла.

Усадьба, окруженная, по словам новоиспеченной владелицы, необъятными земельными угодьями, располагалась на холме на самой дальней окраине крошечного городка, отделенного от него рекой. За километр можно было увидеть ее трехэтажный фасад, к которому примыкал балкон, опирающийся на колоннаду, маленькие эркеры, устремляющиеся к потолку высокие створчатые окна и крышу, увенчанную множеством зубцов и фронтонов. Неудивительно, что Стелла в поисках подходящего, истинно американского названия для только что приобретенного богатства — дома, спрятавшихся за ним сарайчиков для дров и садовой утвари и бескрайнего, плавно переходящего в лес сада, из глубин которого выглядывали статуи в человеческий рост из некогда окрашенного, но давно уже поблекшего известняка, словно путники, обернувшиеся и обратившиеся в соляные столпы, — выбрала «Визибл»¹. Как выяснилось вскоре, денег, оставшихся после покупки, едва хватало на то, чтобы покрыть даже малую толику расходов на ремонт. Кладка сыпалась, крыша в нескольких местах текла, а то, что некогда являлось садом, больше напоминало джунгли, где никогда не ступала нога человека.

¹ *Visible* (англ.) — видный, заметный. (Здесь и далее — примеч. пер.)

«Кажется, что дом только и ждет подходящего момента, чтобы погрузиться в самое себя и мечтать о лучших временах, наслаждаясь тем, что его никто не трогает, — писала Стелла в Бостон в одном из теперь уже редких посланий. — Жители города ждут того же. Его большие окна наводят на них священный ужас. И знаешь почему, детка? Потому что достаточно издали увидеть их, как становится ясно, что за ними может жить только человек с широкими взглядами».

Я вырос на бесчисленных фотографиях Стеллы, которые через несколько месяцев после ее кончины Глэсс выдрала из оставшихся документов и развесила по всему дому, как дешевые открытки со святыми угодниками в дешевых же рамочках. Везде, где только можно — в полутемном холле, вдоль лестничных пролетов, почти в каждой комнате, — они висят на стенах, стоят на шатких столах и хромающих комодах, теснятся на подоконниках и притолоках. Из всех портретов Стеллы мне больше всего нравится тот, с которого смотрит ее загорелое лицо с тонкими чертами, огромными, до прозрачности светлыми глазами, окруженными множеством мелких морщинок, потому что она смеется. Это единственная фотография, на которой видно, что Стелла могла быть хрупкой и ранимой. На всех остальных заметно лишь детское упрямство, переходящее в откровенный вызов. Глядя на них, создавалось впечатление, что она вышла из пламенного горна, как закаленная, едва начинающая остывать сталь.

За три дня до того, как Глэсс должна была прибыть в Визибл, широкий взгляд на мир сыграл роковую роль в судьбе моей тетушки. Она мыла окна и, сорвавшись с третьего этажа, упала на пандус у крыльца и сломала шею. Там на следующий день ее и обнаружил почтальон: она лежала

на гравии, будто спящая, оперев голову на руку и слегка подогнув ноги. Позднее Глэсс обнаружила свою телеграмму, посланную с парохода, и черновик ответа, который так и не был отправлен: *«Детка, жду тебя и твое потомство. С любовью, Стелла»*.

Смерть сестры оставила глубокую рану в душе моей матери. Она обожествляла ее даже после отъезда на континент. Их мать умерла, когда обе были еще маленькими, — «от болезни на букву „р“», как выражалась Глэсс, — а отца, как показала жизнь, куда больше интересовали высокоградусные напитки, нежели высокие материи, в том числе судьба собственных дочерей, и известие о том, что они обе отправились за океан, он воспринял с запойным безразличием. Никто не знает, что с ним стало. Когда я однажды спросил Глэсс о своем деду, она лишь отрезала, что его поглотили Соединенные Штаты — и, как она надеется, уже никогда не выплунут обратно. Погоревав первое время, она стала рассматривать смерть сестры с практической точки зрения: ведь, как гласило ее любимое выражение, если где-то что-то убыло, значит, где-то что-то прибыло. Смерть забрала у нее Стеллу и дала взамен Терезу — это был достойный эквивалент.

Городская управа поручила местному адвокату изучить документы, оставшиеся после гибели приезжей американки, и выяснить, имеются ли у нее родственники там, откуда она прибыла. За неимением свободного времени тот направил в Визибл практикантку — молодую рыжеволосую девушку, которая, оправившись от охватившего ее поначалу шока, довольно профессионально помогла появиться на свет еще двум дополнительным родственникам. Много лет назад она и сама перебралась из своего родного городка на север, чтобы поступить учиться на юриста.

В памятную необычайно сильным морозом ночь нашего рождения Тереза, на время выполнения задания переехавшая в Визибл со своим спальным мешком, действительно нашла то, что искала. Стелла оставила завещание, в котором объявляла Глэсс единственной наследницей Визибла и всего нажитого ею имущества. Однако с позиций закона все оказалось не так просто — с учетом того, что Глэсс была несовершеннолетней иностранкой без какого-либо вида на жительство, к тому же ни слова не знавшей ни на одном языке, кроме родного английского.

Тереза взяла Глэсс под свое крыло, замолвив за нее слово перед начальством. Адвокат благоволил к самой Терезе и благодаря ее заботе проникся симпатией к Глэсс — таким образом, не без его влияния и связей определенные люди на определенных должностях закрыли на многое глаза, законодательство было истолковано несколько в ином ключе, нежели обычно, и посредством пары протекционных писем предписания тактично обошли. Глэсс разрешили остаться в стране — но это стало лишь первым шагом на долгом пути. Стелла практически не оставила никакой наличности — а именно в ней Глэсс нуждалась в первую очередь. О том, чтобы продать дом, вопрос даже не вставал — Визибл представлял собой не только наследство любимой сестры, но и единственную крышу над головой, которую она могла дать своей крошечной семье. Здесь ей вновь помогла Тереза. Связавшись с университетскими друзьями, она организовала Глэсс подработку в виде ведения объемной корреспонденции на английском и составления кратких содержаний статей из специализированных международных журналов.

За год до окончания обучения у Терезы скончался отец — много лет назад овдовевший профессор ботаники и единственный мало-мальски известный ученый, хоть

и на пенсии, которого когда-либо породило это захолустье. Девушка в одночасье стала богатой, однако при этом лишилась собственного пристанища — поскольку жить в одиночестве в отцовском доме у нее не получалось, на каникулы она приезжала в Визибл и сидела со мной и Дианой, куда Глэсс посещала языковые курсы для мигрантов, а затем пошла в вечернюю школу учиться на секретаря.

Нам, доверчивым, аки новорожденные щенята, к тому времени уже было по четыре года, и Тереза мгновенно завоевала наши сердца. Чтобы оправдать оказанное доверие, она разрушала детские зубы ежевечерним попкорном, и, забравшись под одеяло, мы таскали из потрескавшихся разноцветных тарелок клейкую сладость, пока Тереза читала нам сказки. Чаще всего она засыпала еще раньше нас, и тогда мы укрывали ее шерстяным пледом и засовывали ей в нос нераскрывшиеся зернышки. К нашей любви к Терезе примешивалась определенная доля священного трепета, страха перед рыжеволосой ведьмой из сказок, и она без труда могла нас запугать, обещая в следующий раз превратить в лягушек.

Защитив диплом, Тереза поступила на работу в адвокатскую контору. Проработав два года, она набралась достаточно опыта, чтобы открыть собственную в ближайшем городке чуть покрупнее того, где жила, — а адвокатской конторе, разумеется, нужен был секретарь. Расчет был идеальный. Мы с Дианой вскоре должны были пойти в школу, что давало Глэсс возможность работать на полставки. Чуть позже, когда мы стали достаточно самостоятельными, она перешла и на полную. После завтрака Глэсс садилась в старенький «форд», доставшийся Терезе в наследство от отца, и к ужину возвращалась, неизменно привозя с собой маленький подарок — ядовито-зеленые, липкие

леденцы, тоненькую книжку с картинками или грампластинку, которая в кратчайшие сроки становилась заиграна почти до дыр.

После школы мы с Дианой разогревали себе обед, приготовленный накануне. Нам не нужны были ни помощь, ни понукания, чтобы справиться с домашними заданиями и помчаться на улицу, где мы проводили почти все без исключения свободное время — либо в зарослях сада, либо в окрестном лесу или у реки. Глэсс гордилась самостоятельностью своих детей. Поскольку она не раз внушала нам, что от ее работы зависит все наше существование, мы так и не решились сказать ей о том, что попросту боимся оставаться одни в огромном доме. Нам становилось не по себе, когда мы бродили по пустующим комнатам, сторонясь темных углов, или по бесконечно длинным, ветвящимся коридорам, вдоль высоких стен, от которых, как в колодце, при малейшем движении отскакивало эхо, раскатываясь и множась где-то в глубине Визибла. Это было невероятно мрачное, опустелое здание, и для нас не было ничего ужаснее, чем когда Глэсс предлагала нам поиграть в нем в прятки. Поначалу мы с сестрой делили на двоих комнату на первом этаже, и лишь впоследствии, научившись ценить уединение, которое предоставляли нам тишина и пустота верхних этажей, каждый из нас нашел себе угол по вкусу. Я выбрал комнату, из окон которой, насколько хватало взгляда, открывался вид на реку и городок, расположенный у подножия Замковой горы, на вершине которой стояли руины средневекового замка, чье название давным-давно кануло в Лету. Именно там я понял, что характером ничуть не похож на Стеллу — моему взгляду всегда недоставало простора.

Ледяная вода, хлынувшая из душа, быстро привела меня в чувство. Натянув шорты и футболку, я петляю по лабиринтам коридора, пока не дохожу до шаткой лестницы, ведущей в холл. Нигде ни следа ни Глэсс, ни Дианы. Возможно, они обе капитулировали под натиском немилосердной июльской духоты и спят.

Стоит только открыть дверь на улицу, как меня обдаёт жаром. Я хватаю велосипед, прислоненный к стене, и, подсакивая на каждом камне, скатываюсь по пандусу.

Наш сад похож на поле, где колышутся переспелые колосья. С обеих сторон пандуса метровой высоты трава яростно борется с роскошными полевыми цветами за место под солнцем. Дикорастущий плющ впивается в кору старых тополей и фруктовых деревьев, карабкается по стволам вверх и по водостоку переползает на дом, чтобы вновь упасть с крыши бурными каскадами.

В первые пять или шесть лет своего пребывания в Визибле Глэсс искренне старалась укротить это бурное великолепие, подчинить себе дикие джунгли и создать некое подобие «правильного» сада. Облачившись в зеленый фартук, розовые резиновые сапоги и такие же перчатки, она, до зубов вооружившись тяпками и лопатами, сражалась с зеленью с упорством, способным превратить пустыню Невады в землю обетованную. Мы же, как два верных оруженосца с совочками и железными грабелями, мельтешили под ногами, стоило ей начать вгрызаться в непробиваемые заросли, и не отходили от нее ни на шаг. Но сколько бы мы ни копали, ни пололи и ни дергали, борьба с неуязвимым полчищем сорняков была заведомо обречена на провал.

«Такое ощущение, будто природа что-то имеет против меня, — говорила по вечерам Глэсс, устало садясь